

Лариса М. Ньюбина (Смоленск)

Поэтика фрагмента в литературной автобиографии

Ключевые слова:
литературная автобиография, фрагмент как часть общего, гетерогенный поток информации, виды памяти, интертекстуальность, влияние нарратива.

У раду се разматра фрагментарност као типолошка црта аутобиографске прозе, указује на повезаност те црте са феноменима интертекстуалности и интердискурсивности. Посебно се прати испољавање интердискурсивности кроз „притисак“ који врши романескни епски жанр на наративне стратегије у аутобиографији, што се манифестује присуством епских, дескриптивно-рефлексивних фрагмената у тексту.

Никто не в состоянии найти некую точку омега,
разместившись в которой, мы могли бы охватить
единым взором эту весьма неоднородную туманность,
каковой является наше персональное мышление.

— Жан Бодрийяр

Предметом анализа данной статьи является одна из стилистических особенностей теста литературной автобиографии – ее фрагментарность. В философском энциклопедическом словаре фрагмент определяется как «отрывок текста, сохранившаяся часть, незаконченное произведение», а фрагментарный

– как «отрывочный, неоконченный, неполный» [Философский энциклопедический словарь, 1997: 490]. Условия сюжета, объемный информационный гетерогенный поток, хранящийся в памяти, прерывность опыта радикализуют в литературной автобиографии фрагмент как таковой. Фрагментарный эффект в этом

Стиль 2011

жанре достигается отказом от последовательной авторской повествовательности, представления пережитого мира в форме прерывистого изложения, незаконченностью многих линий, отсутствием завершенности многих тем повествования. Воспоминание прерывисто, оно не представляет непрерывную кумулятивную историю, лишь какие-то фрагменты картины мира получают отклик в тексте. Фрагмент – это как кадр кинофильма, как «знак радикальной практики, решительного отказа от тотализации». В автобиографическом тексте отсутствует буквальность фактов и событий, годы и опыт видоизменяют их, вносят коррективы, меняют оценки и значимости, освобождая уникальность фрагмента от «гнета конечного предназначения» [Бодриар, 2006: 97, 100]. Обращение к фрагменту в литературной автобиографии происходит сознательно, так как в воспоминании индивидуальная жизнь – это масса неупорядоченных фрагментов, приобретающих целостность только благодаря авторскому сознанию. Авторское сознание субъективно и эгоцентрично, оно состоит из разных ликов вспоминающего «Я», соединяет в себя автора, субъекта и объекта рассказчика и предмет рассказа о самом себе, что вытекает из онтологической сущности литературной автобиографии, как, впрочем, и других модификаций мемуарного жанра. Воспоминание и его вербализации – это своего рода сопротивление системности и целостности, рассеивание автобиографического хронотопа. «Два «эгоцентра» автобиографического дискурса разделяют несовпадающие хронотопы «там и тогда», «здесь и сейчас», поэтому «Я» автобиографического дискурса есть авторская реконструкция своей личности, своего рода «инсцени-

ровка» его «Я», своего личностного присутствия в мире» [Андреева, 2009: 181, 182]. Репрезентируемый мир предстает полиинформационной средой, которую субъект повествования объединяет лишь своим «Я» в целостный и единый комплекс. Именно «Я» и представляет перед читателем собственную жизнь в некоторой смысловой завершенности. Работа воспоминания – это не линейный процесс реконструкции прошлого, а процессы онтологического восстановления событий и их вербализации, в которых сочетаются отрывки документального, исторического, социального, их литературной обработки и индивидуального стиля автора. Прагматика анализируемого жанра подчиняется определенным правилам: автор решает, с одной стороны, проблему правдивости своих воспоминаний, имеющих референциальные привязки в объективном пространстве и времени, а, с другой стороны, социальная и историческая практика требует от него следования определенным правилам. Становление же личности в историческом и социальном аспектах, однако, является далеко не прямолинейным и весьма противоречивым [Тюпа, 1987: 32], не говоря уже о его претворении в литературную форму.

Об этом свидетельствуют многие размышления, к которым прибегают авторы в описании времени и памяти:

Wir überleben nicht als die, die wir gewesen sind, sondern als die, die wir geworden sind, nachdem wir waren. Nachdem es vorbei ist. Es ist ja noch, wenn es auch vorbei. Ist jetzt im Vorbeisein mehr Vergangenheit oder mehr Gegenwart? (M. Walser. Ein springender Brunnen, 15).

Wenn ihr mit Fragen zugesetzt wird,
gleicht die Erinnerung einer Zwiebel,
die gehäutet sein möchte, damit
freigelegt werden kann, was Buchstab
nach Buchstab ablesbar steht: selten
eindeutig, oft in Spiegelschrift oder
sonst wie verrätselt (G. Grass. Beim
Häuten der Zwiebel, 9).

Рассмотрим некоторые причины фрагментарности автобиографической прозы. В первую очередь, фрагментарность литературной автобиографии определяется актуализацией различных видов памяти. Как известно, в процессе освоения мира память человека накапливает и приводит в определенную систему данные, которые каким-то образом репрезентированы нашему сознанию и представляют основу ментальных процессов [Кубрякова, 1994: 34]. Основой познания при этом являются универсальные когнитивные стратегии накопления и переработки информации, объективные знания осваиваются при помощи таких оптимизирующих стратегий, как восприятие, мышление, устройство человеческого тела, эмоции, память, сенсорно-моторные и познавательные процессы – в значительной мере, если не целиком, обусловливают универсальные структурные характеристики языка [Лакофф, 1981: 350]. О большей части опыта рассказывается в прошедшем времени, оно употребляется для облачения в слово информации, извлекаемой из памяти, так как большая часть языковых явлений относится не к непосредственно воспринимаемому «здесь и сейчас», а к некоторому образу в памяти, которая содержит обобщенные представления о материальных объектах, так как память никак не может быть прямой копией первоначальных стимулов и реакций восприятия [Чейф, 1982: 33].

Мы усваиваем и запоминаем не просто отдельные элементы информации; мы конструируем систему знаний, которая помогает нам приобретать, хранить и использовать обширный запас сведений, существующих в виде семантической модели и предполагающих, что все понятия представлены в виде независимых единиц, пространственно и семантически организованных [Солсо, 1996: 557]. Оформление высказывания происходит через психическую деятельность человека, осуществляющего восприятие на основе сравнения в памяти с имеющимся образом о действительности, язык актуализирует внешний образ, таким образом, не как целостную структуру, а фрагментарно, отдельными строевыми языковыми элементами, отбираемыми согласно вспоминаемому образу. Сознание и язык образуют две относительно автономные области, каждая из которых обладает своей памятью, в которой хранятся относящиеся к ней знания, и своими средствами, способными извлечь из памяти и привести в движение необходимые в данный момент фрагменты знаний [Кацнельсон, 1984: 3 и след.].

Когнитивные психологи уделяют много внимания исследованию памяти, однако на настоящий момент не имеется сколько-нибудь единой теории памяти. Большинство ученых согласны с признанием двух основных психо-физиологических видов памяти – кратковременной и долговременной [Роуз, 1995: 138; Блум, Лайзерсон, Хофстедтер, 1988: 166], связанных с актуальным восприятием и переходом значимой для субъекта информации в практически не ограниченную по времени долговременную память. Вместе с тем различают и другие виды памяти: генетическую и механическую, логическую и образную, эпизодическую

и процедурную, эмоциональную и ассоциативную, иконическую и эйдетивную и др. Из этого перечня видно, что память не представляет собой нечто единое, а многообразие деятельности вспоминающего человека связано с использованием различных видов памяти. В этой связи можно представить, что макроструктура текстов, основанных на памяти, состоит из множества ситуационных фреймов, в которых представлена разнородная информация, отражающая сословно-родовые, классово-имущественные, этнические, профессиональные и иные отношения. Функция извлечения воспоминаний приводит к выдвиганию некоторых памятей-фрагментов, их выделению из хаотичного и гетерогенного потока информации. Большую роль при этом играет, например, зрительная память:

... Ich habe viele in
Bahnwärterhäusern beobachten
können, mit durchschossenem
Schädel oder völlig zerschlagenem
Kopf, ich sehe sie noch, die tiefblaue
Eisenbahnuniform mit dem
zerfetzten Eisenbahnerkopf hinter
dem Kellerfenster (Th. Bernhard. *Die Ursache*, 79).

Ich muss nur die Augen schließen,
dann sehe ich meine grauhaarige
Großmutter und das Dienstmädchen
mit ihren auf dem Hinterkopf
engerollten braunen Zöpfen, den
dunkelbraunen Fußschemel und den
weißgestrichenen Fensterrahmen
(E. Fried. *Mitunter sogar Lachen*, 16).

Мы выехали довольно рано. ...
Мне навсегда запомнилось это
нестерпимо-снежное сверканье,

как бы длительная молния. ...
Когда снежные стены с об-
сторон делались круче и мелькал
черный флажок на них – даже
легкие сани замедляли ход: флажок
обозначал опасность обвала
(З. Гиппиус. *Ничего не боюсь*, 35).

Слуховая и обонятельная память
также проявляется в повествовании:

Doppelrumpige englische Jagtbomber
nahmen den Zug in Beschuß, das
Knattern der Bordkanonen habe ich
heute genauso im Ohr wie damals
(Th. Bernhard. *Die Ursache*, 77).

Der Geruch des Haares dieser
Puppe, nach all den Jahren, der sich
so deutlich und unvorteilhaft von
dem Geruch der echten, kurzen
dunkelbraunen Haare der viel älteren
Puppe Charlotte unterschied, die von
der Mutter auf das Kind gekommen
war (Ch. Wolf. *Kindheitsmuster*, 12).

Часто вспоминаемые образы всплыва-
ют на основе объединения нескольких
видов памяти:

Königsbrücker Straße 48, das zweite
Haus meiner Kindheit. Wenn ich,
in diesem Augenblick, in München
und als, wie man sagt, älterer Herr,
die Augen schließe, spüre ich
die Treppenstufen unter meinen
Füßen und die Treppenkarte, auf
der ich hocke, am Hosenboden,
obwohl es, mehr als fünfzig Jahre
später wahrhaftig ein ganz anderer
Hosenboden ist als der von damals
(E. Kästner. *Als ich ein kleines Kind war*, 47).

Зрительно-тактильные, осязательные ощущения благодаря глаголам *spüren*, *hocken* и словосочетаниям *unter meinen Füßen*, *die Augen schließen* создают разнообразные сенсорно-мозаичные смыслы в воспоминании.

Помимо сенсорных видов памяти, существует и культурно-историческая память, которая возникает всегда тогда, когда определенные события воспринимаются сообществом как необходимые для сохранения, для чего человечество выработало различные мнемотехники: устное творчество, письмо, библиотеку, компьютер, а также индивидуальные и коллективные, коммуникативные и культурные, ритуальные и текстуальные стратегии [Pethes, 2008: 59–69]. Культурная память в литературной автобиографии проявляется в рамках текстовой категории интертекстуальности, позволяющей представить «коллективный дух», «память мира», свой «дом бытия» так как она включает в себя и индивидуальную, и социальную память, поскольку каждое индивидуальное событие связано с его толкованием и оценкой в рамках общественных и аксиологических норм и ценностей.

Смыслообразование автобиографического текста происходит во многом через коммуникацию со знаковой средой предшествующего и окружающего культурного слоя, то есть с тем «палимпсестом», по Ж. Деррида, к которому в первую очередь следует отнести прецедентное имя с его культурной или культурологической семантикой, позволяющей «писать поверх иных текстов». Культурная память – это не просто архив личной памяти, она создает тот очерк среды обитания, которая характерна для данного языкового сообщества. Память и воспоминание понимаются в культурно-исторических теориях памяти не как исключительно

индивидуально-психический, а как коллективный и социальный феномен. Ценность любой литературной автобиографии как раз и состоит в описании социально-общественного пространства и времени, которые выступают знаками самоидентификации субъекта. Можно говорить о том, что мнемонический текст является не только автобиографическим, но и концептуальным культурным нарративом.

Культурно-исторические теории памяти говорят о том, что прошлое необходимо для того, чтобы определить систему ценностей настоящего, так как память является решающим и основным элементом культуры, а культура приобретает свою целостность не из чего иного, как из общих, ее конституирующих воспоминаний [Pethes, 2008: 37–38]. В этом отношении культурно-историческая память осуществляет, по словам Ф. Ницше, «противоречивый спектакль» собирания фактов [F. Nietzsche. *Genealogie der Moral*. Цит по: Pethes, 2008: 36].

Любой текст, как известно, является «открытой» структурой (по У. Эко). Открытость текста проявляется в межтекстовой «разгерметизации» (В. Е. Чернявская), его диалоге с другими текстами. «Интертекст», то есть фрагмент другого текста в структуре первого, продуцируется автором для введения прецедентных текстов, под которыми Ю. Н. Караулов понимает тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, ...хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников...» [Караулов 2007: 216]. Цитатные ампликации включаются для отражения картины мира автора: часто песенный фольклор, пословичный фонд, слова известных исторических личностей

и т.п., значимых для субъекта повествования. Эти цитаты-примеры показательны как часть национальной или универсальной картины мира автора. Воспроизведение таких предтекстов может быть полным, косвенным (аллюзивным), фрагментарным или обобщенным [Варченко 2007: 200], а их маркирование происходит путем кавычек, неполных кавычек, отсутствием кавычек, сменой шрифта и др. Таких включений особенно много в произведении К. Вольф *Kindheitsmuster*, которое отражает гибридную медиальную картину мира героини, зависящей от звучащих в ее памяти различных голосов, текстов, средств массовой информации:

Mit Gewalt ist kein Bulle zu melken:
Beliebter Spruch von Charlotte
Jordan (Ch. Wolf. *Kindheitsmuster*,
120).

„Danzig ist nicht das Objekt, um
das es geht“, Adolf Hitler vor den
Befehlshabern der Wehrmachtteile
(Ch. Wolf. *Kindheitsmuster*, 221).

„Das Schwache muss weggehämmert
werden.“ Adolf Hitler (Ch. Wolf.
Kindheitsmuster, 249).

Часто цитация носит более узкий характер и приводится как сигнал речи родных, друзей, знакомых. В приводимом фрагменте поучения матери сопровождаются цитированием морализаторских поговорок:

Nelly war licherlich und ordentlich.
Charlotte Jordan wusste manchmal
nicht, wie sie es ihrer Tochter
beibringen sollte, sich wie ein
„normaler Mitteleuropäer“ zu
benehmen. Sie jeden Tag gründlich

waschen. Jeden Abend die Schuhe
putzen. Die Wäsche im Schrank auf
die Kante legen. ... Die Schulmappe
abends packen. ... *Morgen, morgen,
nur nicht heute sagen alle faulen
Leute. Was du heute kann besorgen,
das verschieb nicht auf morgen.
Langes Fäddchen, faules Mädchen.
Was Hänschen nicht lernt, lernt
Hans nimmermehr.* Ich verlange
wirklichen und wahrhaftigen Gottes
nur das allermindeste (Ch. Wolf.
Kindheitsmuster, 253).

Цитация может переносить действие из одного времени в другое, создавая разновременные фрагменты:

... Es ist Freitag, der 19. Oktober
1973, ein kühler, regenreicher Tag,
18 Uhr 30 Minuten. In Chile hat
die Militärjunta den Gebrauch des
Wortes „companero“ verboten. Es gibt
keinen Grund an der Wirksamkeit
von Wörtern zu zweifeln (Ch. Wolf.
Kindheitsmuster, 227).

Lenka verträgt diese Lieder nicht,
auch nicht als Beweisstücke, vertrug
sie nie. Stellte sich taub, als ihr auf
der Rückfahrt aus L., das heute G.
heißt, die Texte zusammensucht,
die den Zug, den Ritt, den Marsch
der Germanen, der Deutschen nach
Osten verherrlichten oder forderten:
>Gen Ostland geht unser Ritt. < – >
Siehst du im Osten Morgenrot? < – >
In den Ostwind hebt die Fahnen<
(Ch. Wolf. *Kindheitsmuster*, 245).

Bleibt noch ein Lied zu singen, das
Lied der Hitler-Jugend: „Vorwärts,
vorwärts, schmetternd die hellen
Fanfaren, vorwärts, vorwärts, Jugend

kennt keine Gefahren, Deutschland, du wirst leuchtend stehn, mögen wir auch untergehn..." (Ch. Wolf. Kindheitsmuster, 247).

Значительную роль в литературной автобиографии играет и другой прецедентный феномен, а именно прецедентное имя, активное использование которого обусловлено его емкостью, с одной стороны, лаконичностью и экономией при передаче информации – с другой. В автобиографической литературе можно найти как глобально-прецедентные имена, так и локально-местные, актуальные лишь для автора повествования, например:

Sobald Dr. Göbbels sprach, spürte Johann, dass ihm Schauer über den Rücken hinabliefen, wie sonst nur in der Kirche, wenn Herr Grübel *Benedictus* sang. Auch wenn Johann mit Adolf, Ludwig, Paul, Guido, dem einen Helmut und dem anderen bei einer Feuerwehrrübung zuschaute und Johanns Vater, als Zugführer und Spitzmeister, das Kommando Wasser marsch! gab, rieselten diese Schauer über Johanns Rücken hinab (M. Walser. *Ein springender Brunnen*, 112–113).

Сферами-источниками многих прецедентных имен могут быть самые разнообразные области знаний. Их классификации многочисленны и разнообразны. К ним можно отнести: мифологию, топонимы, литературные произведения и произведения других видов искусств, историю и политику, языковые феномены – пословицы, поговорки, афоризмы, фразеологизмы и др.

Прецедентные имена могут быть просто денотатами или получать экспрессивные оттенки. Так, например, К. Манн в главе *Rundherum* описывает свои путешествия, представляя их как «школу жизни». Это города: *New York, Los Angeles, Hollywood, Chicago, Frisko, Tokio* и др. Каждому из этих городов автор приписывает определенные оценочные коннотации, включая их в культурный контекст эпохи таким образом, что из денотативной номинации описание превращается в экспрессивно-образное и оценочное:

New York wirkte auf mich sofort als die vollkommene Metropole des zwanzigsten, die Kapitale unserer Epoche. Es war eine *neue* Schönheit, fast gotisch mit ihren steil nach oben strebenden Konstruktionen und engen Perspektiven, die mich hier frappierte; ein kühn experimenteller, nüchtern grandioser Stil, der mir den Atem benahm und mein Herz höher schlagen ließ (К. Манн. *Der Wendepunkt*, 206–207).

Процессу воспоминания противопоставлен процесс забывания, последний также имеет социальный характер из-за изменения социальных рамок, которые с течением времени модифицируются, что приводит в мемуаристике к проблеме достоверности и правдивости. В этом смысле автобиографическая литература тогда интересна и имеет культурно-историческую ценность, когда воспоминания не носят чисто личного характера, а вписаны в жизнь общества. Выбор личной топографии опирается на факты и события, которые вытекают из исторического контекста, из связности места, времени, культурных ритуалов.

Wir konnten nicht von einer sittlichen Norm abweichen: Es gab keine solche Norm. Die moralischen Clichés der bourgeoisen Ära, diese atavistischen Tabus einer zugleich selbstgefällig satten und neurotisch inhibierten Gesellschaft, hatten in den Kriegs- und Revolutionsjahren ihre Autorität und Überzeugungskraft verloren, endgültig, wie wir damals glauben wollten. So gründlich erledigt, so durchaus 'passé' erschien uns diese puritanisch-bürgerliche Sittlichkeit, daß es uns nicht einmal der Mühe wert erschien, uns polemisch mit ihr abzugeben (K. Mann. *Der Wendepunkt*, 137–138).

К третьей причине фрагментарности в литературной автобиографии следует отнести интердискурсивность, то есть проникновение, взаимодействие различных дискурсов в одном. В разнообразных модификациях литературы, основанной на искусстве памяти, в качестве предмета коммуникации могут выступать другие дискурсы, например массово-информационный, художественный, научный, фольклорный, стихотворный и др., что свидетельствует о гетерогенности систем знания в интеллекте современного человека. «Гибридность» [Чернявская, 2009: 228] дискурса обеспечивается и взаимодействием памяти с другими кодовыми знаками – фотографией, рисунком, музыкой, танцем, которые вызывают ассоциативные «скачки» памяти в сторону других, кроме вербальных, форм артефактов. В интердискурсивных мнемонических текстах неязыковые кодовые знаки выполняют функцию формирования фрагментов, обращенных к «археологии знаний» в разных сферах материальной и нематериальной деятельности

человека. «Мир информативен для наблюдателя в силу имплицативной значимости его сущностей», «в силу известных ему связей и зависимостей одни события и положения дел имплицитно другие, и сознание настраивается на них» [Никитин, 2003: 260]. Это означает, что мемуарные тексты находятся в тесной зависимости от социокультурных, исторических, лингвистических и других факторов, а их взаимосплетение создает фрагментарность в процессе текстопорождения. Фрагментирование становится прототипическим свойством данных текстов и включает в себя обязательные и вариативные свойства фрагментарного типа повествования, которые могут отражать особый стиль автора.

Как отмечает В. И. Карасик, «происходит быстрое изменение жанров дискурса», обусловленное экспансией других видов коммуникации в жизнь людей [Карасик, 2004: 346]. Можно говорить о том, что интердискурсивность является признаком «культурной маркированности» текстов анализируемого жанра, его «критерием текстuality» [Чернявская, 2009: 36]. Сфера дискурсов велика, а поэтому и фрагменты в автобиографическом нарративе весьма разнообразны. В литературной автобиографии, например, можно встретить текстотипы разных дискурсов:

- статью из словаря как текстотип научного дискурса – Meyers Neues Lexikon aus dem Jahre 192 zu dem Stichwort „Idee“: „Die Idee ist keine selbständig existierende Wesenheit (wie der Idealismus lehrt), sondern sie existiert nur im Bewußtsein des Menschen als abstrakte Widerspiegelung...“ (Ch. Wolf. *Kindheitsmuster*, 339);

- семейная книга – Über die ersten zwei Ehejahre ... berichten die Stammbuchnotizen von Vaters Hand: 15. Sept. 1912: endlich hat sich Papa mit unserer Hochzeit ausgesöhnt. – 20. November 1912: Heute trat Jenny zum katholischen Glauben über. Zeugen: Herr Kaplan Kresse, der Küster von St. Bonifatius und ich (G. de Bruyn. Zwischenbilanz, 9);
 - элементы литературного эссе – Die „Cuorago“ – Aufführung in Berlin war dann kein starker Eindruck. Das hat sich aber sehr schnell verändert- und es gab kein anderes Ziel mehr, als zum Berliner Ensemble zu gehören und da zu arbeiten. ... Oder die Anti-Hitler Texte. Hitler war ja Brechts Traumfeind. Also eigentlich der gotische Brecht. Nicht der klassische Brecht, eher schon der chinesische. Dieses *Antigone* – Vorspiel ist in Knittelversen geschrieben. Und da ist Brecht am besten, wenn er deutsch wird. ... (H. Müller. *Krieg ohne Schlacht*, 82, 87);
 - юридические документы – *Justiz in Mecklenburg während des Nazikrieges*:
 - Fedor Wagner, polnischer Vorschritter in Gross Labenz, erklärte Deutschland für schuldig am Krieg gegen sein Land. Am 3. September 1939 verhaftet. Vom Zuchthaus Dreibergebbützow wurde er nach Ausschwitz verschleppt. Verschollen; Wilhelm Zirpel, aus Michelsdorf bei Belzig, Binnenschiffer, hatte den Sender Moskaus abgehört und in Micheln kriegsfeindliche Äußerungen getan. Verhaftet am 11. Dezember 1939, 5 Jahre Zuchthaus in Dreiberger-Bützow, nach dem Januar 1945 im KZ Sachsenhausen ... (U. Jonson. *Jahrestage*, 945–946);
 - документ об аукционной продаже – Anwesens-Vesteigerung. Das Anwesen, Hs. Nr. 9a in Wasserburg a. B. (Brem) wird am Montag, dem 23. November 1932, nachmittags 3 Uhr im Nebenzimmer der Bahnhof-Restaurations in Wasserburg durch das Bürgermeisteramt Wasserburg freihändig öffentlich versteigert. ... (M. Walser. *Ein springender Brunnen*, 66);
 - спортивный репортаж – Inhaber von insgesamt 19 Weltrekorden, Leiter des tschechoslowakischen Militärsports seit 1958, zum Sportler des Jahres in seinem Land gewählt noch 1966, wohnhaft Prag, nahe Hauptbahnhof, am Leihhaus 8, die tschechische Lokomotive, de auch: Emil Zatopik (U. Jonson. *Jahrestage*, 145);
 - речь Гитлера из времен третьего Рейха – Ich verspreche Euch, deutsche Bauern ... Unsere nationale Erhebung ... die nordische Rasse ... unser herrliches Vaterland ... die hohen Milchpreise ... Ich verspreche Euch, deutsche Handwerker ... die Freimauer ... Die Zinsknechtschaft... Und wer profitiert daran? Unser Erzfeind, diese Schmarotzer und Schurken, die krummnasige, stinkende Verbrecherbande...“ (K. Mann. *Der Wendepunkt*, 276).
- Литературную автобиографию часто называют автобиографическим нарративом. Нарративность получает сегодня

богатое толкование и означает приближение к общим структурам всевозможных нарративов, то есть повествовательных произведений любого жанра и любой функциональности [Шмид, 2003: 9]. В. А. Андреева определяет нарративность как «специфическую стратегию текстообразующего способа представления мира или фрагмента мира в виде сюжетно-повествовательных высказываний, в основе которых лежит некая история (фабула), преломленная сквозь призму определенной (определенных) точки (точек) зрения [Андреева, 2009: 5]. Любая нарративная форма допускает множество дискурсивных игр, обусловленных тем, что творческое воображение движется между сферой фактов и событий, с одной стороны, и между миром текстов – с другой. Сущность автобиографического нарратива состоит в восстановлении и передаче сведений о себе, ведь и в его основе лежит личная история, создаваемая автором. Предметом соглашения между автором и читателем здесь становится обязательство рассказать о себе, но это не значит, что автор собирается рассказать все, он сообщает лишь некоторые факты истории, все остальное остается за скобками:

Nachdem ich in Romanen und Erzählungen lange um mein Leben herumgeschrieben habe, versuche ich jetzt, es direkt darzustellen, inverschönt, unüberhöht, unmaskiert. Der berufsmäßige Lügner übt; die Wahrheit zu sagen. Er verspricht, was er sagt ehrlich zu sagen; alles zu sagen, verspricht es nicht (G. de Bruyn. *Zwischenbilanz*, 7).

В этой связи одной из причин фрагментарности автобиографической прозы

становится «давление» романного нарратива, склонного к эпичности. Эпос, как известно, сообщает о событиях из жизни персонажей, разворачивается в пространстве и времени, попутно прибегает к описаниям или рассуждениям по поводу происходящего. Подобные фрагменты создают определенное интертекстуальное взаимодействие двух жанров, стирая условности между «реальными и фидийными» мирами (по М. В. Никитину). Таких фрагментов в нашем жанре предостаточно, например:

Время было, по-моему, интересное. Что-то в России ломалось. Что-то оставалось позади. Что-то, народившись и воскреснув, стремилось вперед. ... Это никому не было известно. Но уже тогда, на рубеже веков, в воздухе чувствовалась трагедия (З. Гиппиус. *На рубеже веков*, 68).

Im Erzählrepertoire meiner Mutter fehlte seltsamerweise die Hochzeitsfeier, erwähnt wurde aber die Tatsache, dass weder ihr Vater, der Briefträger, noch ihr Schwiegervater, ein Schauspieler. Mit der Heirat zufrieden gewesen war (G. de Bruyn. *Zwischenbilanz*, 9).

Berlin war mehr als eine Messe wert. Diese Stadt fraß Talente und menschliche Energien mit beispiellosem Heißhunger, um sie so schnell zu verdauen, kleinzumahlen und auszuspucken. Was immer in Deutschland nach oben strebte, saugte sie mit Tornado-Kräften in sich hinein, die Echten und die Falschen, die Nullen wie die Treffer, und zeigte ihnen erst mal die kalte

Schulter. Man sprach von Berlin, solange man es nicht besaß, wie von einer sehr begehrenswerten Frau, deren Kälte und Koketterie allgemein bekannt ist und auf die man um so mehr schimpft, je weniger Chancen man bei ihr hat (C. Zuckmayer. *Als wär's ein Stück von mir*, 367).

В данном случае читатель имеет дело с мифологическим мышлением автора, его восприятие Берлина соответствует фольклорному образу дракона, жестоко пожирающего своих жертв. В этом фрагменте представлены и другие стереотипы мышления: образ стихии, исходящий из древних представлений о силах природы, и образ недостижимой кокетки – женщины-вамп. Данные структуры – это определенные знаки субъективного стиля, «как нечто уникального, неповторимого, неотчуждаемого» от автора [Бодриар. 2006: 79].

Wo beginnt die Geschichte?
Wo sind die Quellen unseres
individuellen Lebens? Welche
versunkene Abenteuer haben unser
Wesen geformt? Woher kommt die
Vielfalt widersprüchsvoller Züge
und Tendenzen, aus denen unser
Charakter sich zusammensetzt?
(K. Mann. *Der Wendepunkt*, 9).

Не только художественная литература влияет на автобиографический жанр, но и, наоборот, автобиографический дискурс влияет на художественный. Разные виды памяти представлены, например, в автобиографической части романа Д. Рубиной *Почерк Леонардо*. Хотя этот роман и не является чисто автобиографическим, но «фантазийный мир» героя активизирует разные виды памяти в воспоми-

наниях о детстве. Приводим описания сенсорных видов памяти:

Дважды в неделю я сопровождал тетю Фриду на Большой базар ... И, знаешь, сколько лет прошло, а мне все кажется, что те же тетки и дядьки все стоят там, в рядах, вывалив горы пахучих крепких украинских помидоров, навесив на грудь плетеные, хоть сейчас в натюрморт, гирлянды лука, протягивая покупателю в сочных листьях лопуха темно-золотой слиток масла, похожий на «городскую» булку. ... А багряно-розовое бесстыдство мясных рядов? Туши, окорока, свиные головы с игриво и в то же время сонно прищуренными глазками. В них всегда чудилось что-то философское. ... Да не забыть бы: в августе появлялись яблоки: семеринка, антоновка, белый налив и еще один сорт, выведенный коллекционерами, – огромный краснобокий плод, необычно вкусный, с легкой кислинкой. Назывался, кажется, «победа». Ну а ближе к осени – кукуруза. И если ее приварить, как следует, – не слишком, чтоб лопнули почки, а в самый раз, – и вгрызться в пружинистый, присыпанный крупной солью выпуклый початок... ах, зачем беречь старые раны! (Д. Рубина. *Почерк Леонардо*, 284, 287).

Таким образом, хаотичный и разнонаправленный информационный поток складывается в своеобразную мозаичную композицию литературной автобиографии. Монтаж реальности с атомизацией воспоминания, фрагментаризация мгно-

вений жизни, гибридные виды презентации знаний, хранящихся в памяти, складываются в некоторый прототипический сюжет, поэтика которого привлекательна для читателя тем, что в ней отражается противоречивость, нестабильность, прихотливость воспоминания и разнообразие презентуемых событий и фактов. Фрагментарность автобиографического жанра определяется несколькими причинами: различными видами памяти, лежащими в основе повторного восста-

новления образов, культурно-историческим характером памяти, интертекстуальностью и интердискурсивностью. Прагматика вспоминающей личности сознательно использует фрагмент для отражения своего опыта, так как личная история не является кумулятивной и последовательной, а представляет читателю лишь некоторую селекцию того, что хочет сказать автор из своего разнообразного житейского, общественно-культурного и социального опыта.

summary

[LARISA M. NOBINA]

The Poetics of the Fragment in Literary Autobiography

One of the stylistic peculiarities of literary autobiography is its fragmentation. Using the fragment is a conscious narrative technique, as a personal story does not appear as continuous and epic, it is just the image of discontinuous life experience, because neither the frame of the text nor the memory of the subject represents his or her whole life in the form of discontinuous unfinished fragments. Such fragments are united by the author's consciousness and intentions of this kind of pose which aim to inform the reader of the meaning of his author's life and connection with the epoch.

The fragmentation of his genre is based on different kinds of memory which keeps heterogeneous images of life experience. At the same time, the memory of a recalling relies on the cultural and historical paradigms of his or her times, and it shows up in the intertextuality and interdiscourse of literary autobiography. A precedent name, a quotation, the inclusion of texts of the other genres create a mosaic of different self-descriptiveness which is also included in the fragmentation and discontinuity of the text.

Анализируемые источники:

- Bruyn 1994: **Bruyn de G.** *Zwischenbilanz. Eine Jugend in Berlin*. Frankfurt am Main.
 Grass 2006: **Grass G.** *Beim Häuten der Zwiebel*. Göttingen.
 Kästner 1983: **Kästner E.** *Als ich ein kleiner Junge war // Kästner für Erwachsene*. Ausgewählte Schriften. Zürich.
 Mann 1989: **Mann K.** *Der Wendepunkt. Ein Lebensbericht*. München.
 Müller 1992: **Müller H.** *Krieg ohne Schlacht. Leben in zwei Diktaturen*. Köln.
 Wolf 1995: **Wolf Ch.** *Kindheitsmuster*. München. Frankfurt am Main.

- Zuckmayer 1966: **Zuckmayer C.** *Als wär's ein Stück von mir. Horen der Freundschaft*, Frankfurt am Main
- Jonson 1996: **Jonson U.** *Jahrestage*. Frankfurt am Main.
- Гиппиус 2004: **Гиппиус З.** *Ничего не боюсь*. М.: Вагриус.
- Рубина 2011: **Рубина Д.** *Почерк Леонардо*. М.: Эксмо.

Литература:

- Андреева 2009: **Андреева В. А.** *Текстовые и дискурсные параметры литературного нарратива (на материале современной немецкоязычной прозы)*: Автореф. ... дис. Д-ра филол. наук. СПб.
- Блум 1988: **Блум Ф.**, Лайзерсон А. Хофстедтер Л. *Мозг, разум, поведение*. М.: Мир.
- Бодриар 2006: **Бодриар Ж.** *Пароли. От фрагмента к фрагменту*. Екатеринбург: У-Фактория.
- Варченко 2007: **Варченко В. В.** *Цитатная речь в медиатексте*. М.: лки.
- Демьянков 1994: **Демьянков В. З.** *Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода* // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
- Карасик 2004: **Карасик В. И.** *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. – М.: Гнозис.
- Караулов 2007: **Караулов Ю. Н.** *Русская речь и языковая личность*. – Изд-е 6-е. – М.: лки, 2007.
- Кацнельсон 1984: **Кацнельсон С. Д.** *Речемыслительные процессы* // Вопросы языкознания. 1984. № 4
- Кубрякова 1994: **Кубрякова Е. С.** *Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика = психология – когнитивная наука* // Вопросы языкознания. – 1994. № 4.
- Лакофф 1996: **Лакофф Дж.** *Лингвистические геистальты* // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс. 1981. Вып. X. М.: Тривола.
- Никитин 2003: **Никитин М. В.** *Основания когнитивной семантики*. Учебное пособие. СПб: Изд-во ргпу им. А. И. Герцена.
- Pethes 2008: **Pethes N.** *Kulturwissenschaftliche Gedächtnistheorien*. Dresden: Junius Verlag.
- Роуз 1995: **Роуз С.** *Устройство памяти. От модели к сознанию*. М.: Мир.
- Солсо Р. Л. 1996: **Солсо Р. Л.** *Когнитивная психология*. М.: Триволта.
- Тюпа 1987: **Тюпа В. И.** *Художественность литературного произведения*. Вопросы типологии / Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та.
- Шмид 2003: **Шмид В.** *Нарратология*. – М.: Языки славянской культуры.
- Чейф 1982: **Чейф Ч. П.** *Память и вербализация прошлого опыта* // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, Вып. XII.
- Чернявская 2009: **Чернявская В. А.** *Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность*. учебное пособие. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
- Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М. 1997.

335